

Под топот армий, гром орудий...

ВЕРНУВШИСЬ ИЗ ЦАРСКОГО СЕЛА В СТОЛИЦУ, ФИКЕ ОЩУТИЛА СЕБЯ ПОПРАВВШЕЙСЯ И ПОСВЕЖЕВШЕЙ

Предстояла еще одна приятная поездка: в конце мая императрица приказала двору провести несколько дней под Ораниенбаумом, в усадьбе Гостилицы, которую Елизавета Петровна подарила своему приближенному Алексею Разумовскому. И пока вельможи готовились к недалекому путешествию, Катя обдумывала один нелепый царскосельский эпизод — равно забавный и грустный...

СВИТА В СВЕТЕ

Государыня, желая развеяться и отдохнуть от большой, шумной компании, решила своим присным обедать и ужинать внизу, на первом этаже дачного особняка, где поселилась великокняжеская чета. Сама же властительница изволила трапезничать в верхних покоях, куда сходился избранный узкий круг. И все было бы хорошо и мило, если бы дражайший Петр Федорович не слишком резвился со своими солдафонскими камердинерами, набираясь от них грубых казарменных манер. Однажды сей щедрый «запас» выплеснулся наружу.

За столом как-то сидел влиятельный сановник генерал-адъютант Александр Бутурлин — в пору бурной молодости денщик и доверенное лицо Петра Великого. А позднее — фаворит его младшей дочери, юной цесаревны Елизаветы. Нужно ли добавлять, как возвысился славный муж со вступлением на престол своей бывшей подруги? Генеральский мундир, сенаторское звание, должность московского губернатора — все это пало на плечи бесстрашного ратника как звездная награда за некогда доставленные Лизаньке восторги и удовольствия...

Обладая легким нравом, Александр Борисович постарался развеселить наследника и его неразлучных приятелей. В комнате стоял оглушительный хохот, и великий князь, как иногда случалось с ним, потерял над собой контроль. Буквально задыхаясь от смеха, он воскликнул: «Ой, ну и уморил меня сегодня этот сукин сын!» Бутурлин осекся и замолчал. Обида — положила руку на сердце — была пустячной, но... Генерал пожаловался Елизавете Петровне, и разгневанная монархиня воспретила придворным посещать застолья своего в зный раз нашкодившего племянника.

Самому же голубокровному забияке объявили, что, поскольку он не умеет обходиться с достойными людьми, они у него отныне гостить не будут и приглашать их больше не надо. Ну а уязвленный вельможа так и не смог простить хлесткой моральной пощечины. Чуть не двадцать лет спустя увешанный орденами и лентами старик горько сетовал новой повелительнице Екатерине Алексеевне: «Помните ли, государыня, ту сцену на даче, когда великий князь прилюдно обозвал меня сукиным сыном?» Да, подумалось Фике, здесь уж не забудешь: человеку требуется год-два, чтобы научиться говорить, и не один десяток лет, дабы постигнуть искусство спасительного молчания...

НЕ ГОЛОС ЛИ НАДЕЖД ВОЗНИК?

Ну а в Петербурге снова шептались о жестоких схватках на континенте — бесконечной войне за Австрийское наслед-

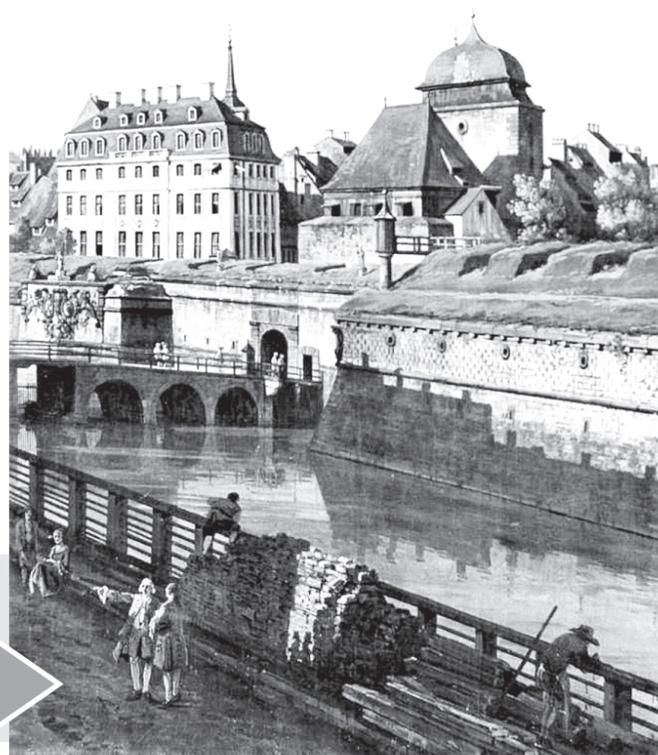
«С друзьями рад добро и зло делить...». Александр Бутурлин (1694 — 1767), военный деятель и крупный чиновник, один из фаворитов Елизаветы Петровны.

ство. Она шла с переменным успехом, не прекращаясь, пожалуй, ни на мгновение. В декабре 1745-го армия Фридриха Прусского захватила саксонскую столицу Дрезден. Берлинские мальбруки вознамерились на радостях идти еще дальше и шагать еще шире, но внезапно Фридриху II доложили, что российская монархиня крайне недовольна этими лихими маршами и в сердцах уподобила своего августейшего «брата» персидскому Надир-шаху. Имелись, впрочем, и более веские обстоятельства, тормозившие молодецкий «дранг»: по приказу Елизаветы Петровны в Прибалтике была сосредоточена мощная сухопутная группировка, способная нанести упреждающий удар по любому возмутителю спокойствия. Стратеги опечаленного Фридриха решили не искушать судьбу-злодейку.

«Приют державных дум и царственных забав...». Отъезд Петра I из дома Франца Лефорта в Немецкой слободе. Конец XVII века. Художник Александр Бенуа. 1909 год.

«Вокруг — чертоги из гранита...». Город Дрезден — столица Саксонского курфюршества. XVIII столетие. Здесь в декабре 1745-го был завизирован мирный договор с Пруссией.

На Рождество, 25 декабря, Пруссия заключила с саксонцами и австрийцами Дрезденский пакт, каковой вывел берлинскую верхушку из дальнейшей борьбы за австрийское наследство. Многострадальная Мария Терезия уступила пруссакам почти всю Силезскую провинцию, за которую когда-то клялась отдать последнюю юбку, а Фридрих очистил Саксонию и официально признал давнее завещание покойного кайзера Карла VI Габсбурга. Ту самую, озвученную еще по весне 1713 года Прагматическую санкцию, согласно коей устанавливалась неделимость всех австрийских владений, а корона «счастливой Австрии» (или, как выспрепно нарекали эту державу до эпохи наполеоновских рейдов, Священной Римской империи германской нации) переходила, при отсутствии у суверена мужского потомства, к его законным дочерям. Сиречь увенчивала чело Марии Терезии, обремененной к середине 1740-х изрядным семейством.

Король Фридрих — под дулами незримых русских орудий — пошел на дополнительные уступки: стиснув зубы смирился с провозглашением благородного супруга Марии Терезии, герцога Лотарингского Франца Стефана, полноценным кайзером Австрийской империи. Правда, оному фигуранту довелось — политика, как и красота, требует жертв — слегка «сменить кожу»: не без нажима высокомерного Версаля, опасавшегося слияния Лотарингии с областями, подвластными роду Габсбургов, избранник Марии вынужденно рокировал свою наследственную землю на тронные привилегии в Великом герцогстве Тосканском. Однако вскоре сей территориальный трансферт потерял злободневную остроту: Мария Терезия превратилась в соправительницу венценосного мужа, а вся вековая династия обрела двойное обозначение, став Габсбургско-Лотарингским домом.

Вместе с тем была некая деталь, о кото-

рой старались помалкивать и в высшем свете, и в дипломатических сферах. Дрезденский пакт подписывали на расширенном игровом поле: почти за год до того, в январе 1745-го (именно тогда, вздохнула Фике, когда ее жених Петр Федорович едва не покинул наш мир, задыхаясь от оспенной горячки в простой крестьянской избе посреди деревни Хотилово), за две с лишним тысячи верст от этого тверского села, в южногерманском Мюнхене, отдал Богу душу 47-летний самозванный повелитель Священной Римской империи Карл VII Виттельсбах. Несостоявшегося кесаря погребли в роскошной усыпальнице — под сводами костела Театинеркирхе. А его старший сын Максимилиан Йозеф отказался от хлопотных претензий на императорскую багряницу, предпочтя более скромные лавры баварского монарха. И Мария Терезия вкупе с Францем Стефаном беспрепятственно монополизировала блестящий кайзеровский трон.

ДЛЯ ДРУГА ДОРОГОГО СШЕЙ БАРХАТНЫЙ КАФТАН...

На прусско-австрийском замиреннии война, увы, не оборвалась. Эстафетную палочку перехватили бойкие галлы, чей командующий граф Мориц Саксонский (побочное чадо курфюрста Саксонии и короля Речи Посполитой Августа II Сильного от прелестной шведской аристократки Авроры фон Кёнигсмарк) неоднократно побивал австро-британские и голландские полки, занимая важные крепости вроде Антверпена и Маастрихта. И в Зимнем дворце, где целостность и стабильность Дунайского государства почитали надежным обручем континентального равновесия, с тревогой присматривались к очередному витку бранной активности, который раскручивал удалой саксонский бастард, переметнувшийся под знамена королевского Парижа. Самодержица все чаще обращала взор к своим корпусам, развернутым на полях туманной Курляндии. А Фике опять углублялась в историю.

...Молодой Петр не знал товарища преданнее и неразлучнее, чем швейцарский рубака Франц Лефорт. И воздавал ему сполна: за счет богатых подарков невзрачное жилище царя наперсника преобразилось в пышные хоромы с зеркалами, гобеленами, картинами, статуями, драпировкой, изысканной мебелью. Туда приезжал Петр, там мелькало очаровательное, хотя и глуповатое личико Анны Монс. Там собирался весь европеизированный столичный бомонд. Дом Лефорта, подумала Катя, играл в Москве ту же светско-политическую роль, какую через годы стали играть в Петербурге возведенные на крошке Васильевского острова палаты светлейшего князя Меншикова...